

полной реализации сущностных сил человека. Партисипаторные проекты — это и есть человеческая деятельность (самодеятельность) во всей ее целостности. От деятельности отраслевых, профессиональных институтов, работающих в социальной сфере, партисипаторные проекты отличаются в настоящее время тем, что часто реализуются гражданами по собственной инициативе, в свободное от «основной работы» время или вместо «основной работы». Актуальным примером является практика внедрения социального контракта, которая потребовала, прежде всего, нормативно-правового оформления механизма партнерства гражданина и государства.

Треушников Илья Анатольевич, доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Смысл социальной политики

Тема социальной политики, вынесенная сегодня на обсуждение в ходе нашего круглого стола, без сомнения, затрагивает интересы всех и каждого и уже в силу этого выступает актуальной для всестороннего рассмотрения. На наш взгляд, не следует недооценивать значения и философско-правового обоснования социальной политики российского государства, выступающей, в свою очередь, составной частью национальной политики в целом. Философско-правовой анализ с необходимостью подводит нас к вопросу о смыслах политики. Отметим то, что анализ политической реальности на смысловом уровне ведется не очень активно. Если обратить внимание на количество работ, размещенных в Российской базе научного цитирования, то мы увидим, что количество работ, которые направлены на анализ различных аспектов только социальной политики, заметно превышает восемь тысяч. В то же самое время работы, посвященные вопросу *смысла* политической реальности, исчисляются единицами. Авторы обращают внимание на особенности понимания и соотношения «смысловых полей» политики, права, морали¹, на философские смыслы собственно политической реальности², на особенности продуцирования смыслов политического дискурса³. Мы не можем в рамках ограничений, которые определяются форматом круглого стола, анализировать относящиеся к вопросу работы, несмотря на то что они содержат интересные идеи. Для нас сейчас актуально то, что поиск смыслов политики, субъектом которой, прежде всего, выступает государство, являющееся элементом цивилизации, порождает, в свою очередь, стремление в очередной раз уточнить особенности русской цивилизационной модели.

Очевидно то, что корни этой темы обнаруживаются в глубоком прошлом.⁴ Однако дискуссия о русской цивилизации активизировалась в настоящий период времени под влиянием как политических процессов, связанных с нарастанием напряженности между основными игроками на международной арене, так и под влиянием возрастающего интереса к самобытным корням духовной культуры, противопоставляемых универсалистской западноориентированной модели. Современный период, характеризующийся возрастанием активности в сфере возрождения национальной культуры многих малых народов, ставит новые задачи и перед крупными социальными общностями, создавшими самобытные цивилизации, оказавшие и продолжающие оказывать существенное влияние на мировое развитие. На современном этапе наша страна в очередной раз оказалась в условиях серьезного давления со стороны внешних сил, что актуализировало все аспекты обеспечения цивилизационной идентификации России. Обсуждение этих вопросов ведется в научном сообществе достаточно интенсивно⁵. Следует признать то, что большинство исследователей обращают первостепенное внимание на институционализированные пролонгации человеческого бытия,

1 См.: Гаврилова Ю.А. Смысловое поле права, политики, морали: проблема взаимодействия // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 24—33.

2 См.: Соловей И.В. Философские смыслы поля политики: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ижевск, 2012.

3 См.: Согомонян В.Э. Трансформация коммуникативных характеристик политического дискурса в современном информационном пространстве // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9. № 1. С. 50—76.

4 См.: Париков О.В., Треушников И.А. Проблема «Запад — Восток» в русской религиозной философии. Н. Новгород, 2002.

5 См., напр.: Цивилизационный суверенитет России: глобальные угрозы и стратегические перспективы: материалы всероссийского круглого стола // Философские исследования и современность. М., 2018. С. 223—244; Вызовы современного мира и цивилизационный выбор России // Философские исследования и современность. М., 2020. С. 191—230.

выражающиеся, прежде всего, в социальных и политических системах. Одним из наиболее значимых элементов этих систем, конечно, выступает государственность, которая чаще всего представляется исследователями в качестве наиболее заметной манифестации национального интереса и цивилизационной определенности. Однако коль скоро цивилизация выступает социокультурным феноменом, мы должны уделить первостепенное внимание проблемам духовной культуры. Ключевой вопрос для отечественного самосознания заключается, на наш взгляд, в формировании представлений об идеальных основах собственно русской цивилизации. Утверждение цивилизационной идентичности для России в современном глобальном мире требует философского обоснования.

В современной ситуации особое значение приобретает философский фундамент, на котором должно выстраиваться обоснование идеи межэтнического и межконфессионального мира, что позволит сформировать представление о единстве русской цивилизации в общественном сознании. Концептуальные установки философии всеединства достаточно продуктивны для решения обозначенной задачи. Особенно они актуальны для такого многоединства, как Евразия. Народы России — Евразии оказываются не просто суммативной системой, объединенными лишь общей исторической судьбой, но и взаимосвязанными и даже взаимообусловленными частями целого. При этом связи между элементами многоединства опосредованы центром и потому ценность каждого равнозначна. Россия в евразийской модели предстала в качестве культурно-этнического единства, обладающего особыми самобытными качествами. Открыто проявилась тенденция к интеграции с восточными народами при сохранении достаточно четкой демаркации и неприязни по отношению к западной культуре. Особо следует подчеркнуть то, что евразийская философия истории позволяет рассматривать как гармоничный элемент русской цивилизации и восточные культуры, вовлеченные в отечественный историко-культурный контекст. Нетрудно заметить то, что не только евразийцы выступают за обоснование особого, отличного от западного пути развития России. Философское осмысление этого особого пути рассматривается как одно из генеральных направлений русской философской мысли¹. Современному российскому общественному сознанию необходимо философское обоснование интегрированной идентификации для многоконфессионального и многонационального сообщества.

Для нас сейчас важно отметить, что в центре общественной системы стоит человек с его интересами, способностями и всем духовно-культурным укладом. Так или иначе, проблема цивилизационной идентификации должна замыкаться на человеческой личности. Именно человеческая личность выступает конечной целью и социальной политики, и политики вообще. Ценность человека утверждается во многих философских системах, на современном этапе получила законодательное закрепление и преимущественно не подвергается сомнению в общественном сознании. Данное утверждение имеет чрезвычайно большое значение, но, на наш взгляд, в изолированном виде не выступает достаточным смыслообразующим основанием для социальной политики. Как отмечали в свое время и представители философии всеединства, человек не является ни центром реальности, ни изолированным ее элементом². Человеческая личность включена в систему общественных отношений, выступая как ее продуктом, так и основанием для той или иной социальной общности. Следовательно, смысл социальной политики не может быть ограничен исключительно поддержкой персонального интереса. Последовательная проработка данной позиции с неизбежностью приведет к утверждению индивидуалистических ценностей. Русская же философская и философско-правовая традиция, за некоторым исключением, ориентировалась на обоснование гармоничного «единства во множественности» всех элементов общественной организации. Эта идея, нашедшая свое воплощение, как мы уже отметили выше, и в философии всеединства, позволяет сформировать идеальный образ российской цивилизации и, как следствие, показать смысл национальной политики вообще и социальной политики в частности. Это в целом соответствует некой общей логике политического дискурса, ограничивающей продуцирование смыслов, которые выходят за признанные обществом конвенциональные рамки³.

1 Треушников И.А. Культурно-цивилизационная идентичность России: опыт обоснования в русской религиозно-философской традиции // Русская цивилизация в исторической ретроспективе и перспективе материалы круглого стола на VI Санкт-Петербургском культурном форуме (ноябрь, 2017). М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. 2017. С. 123—131.

2 См.: Треушников И.А. Правовые аспекты проблемы «Запад — Восток» в философии всеединства // Философия права. 2009. № 2 (33). С. 14.

3 См.: Согомонян В.Э. Трансформация коммуникативных характеристик политического дискурса в современном информационном пространстве // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9. № 1. С. 58.

Таким образом, смысл социальной политики, заключающий в себе те предельные значения, которые она призвана реализовать, будет выражаться в контексте особенностей российской цивилизационной модели.

Сальников Евгений Вячеславович, доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова

Black Lives Matter, критическая расовая теория и трансформация национальной политики современного государства

Вопросы расовой и национальной политики являются значимыми элементами социальной политики государства на современном этапе. При этом значительная неопределенность концептов этноса, а в еще большей мере расы порождает множество сложных вопросов в теоретическом осмыслении и практической реализации социальной политики в данном аспекте. Историческая и этническая специфика российского государства принижает в массовом сознании граждан значимость вопросов расового характера, что ведет к упрощению проблемы противодействия расизму и упрощенному пониманию ряда политических процессов, происходящих в наши дни. Здесь речь идет прежде всего о протестных акциях различного масштаба и интенсивности вплоть до открытого неповиновения, столкновения с силами правопорядка и создания автономных зон, осуществляемых в 2020 году на территории США, а также ряда других стран сторонниками движения против расизма, объединенных лозунгом Black Lives Matter — BLM. Не редкостью становятся интерпретации данных актов как проявлений вандалистского насилия, стихийного либертарного или откровенно корыстного насилия, за которым не стоит какой-либо значительной теоретической основы. Подобная позиция не соответствует действительности. Расовый протест и в целом движение BLM не стихийное порождение или психосоциальная аномалия, за ним стоит определенная теоретико-идеологическая основа.

Протестные акции 2020 года показали значительную остроту межрасового конфликта, происхождение и сущность которого не могут быть объяснены классическим положением, согласно которому противодействие расизму имеет своей целью борьбу с явным нарушением прав человека и гражданина по признаку расы в части предоставления неких благ, ограничения социального положения, оскорбления человеческого достоинства и т. п. Признавая правоту данного подхода, следует отметить, что в особенности в России, а также и в большинстве развитых стран подобные явные формы расизма встречаются крайне редко, а борьба с их проявлениями не вызывает неприятия, широко поддерживается обществом и достаточно успешно реализуется властями.

Движущие истоки современных практик расизма и борьбы с ним раскрываются в рамках не классической, а критической расовой теории (Critical Race Theory — CRT). Она формируется в среде социально активной части научного сообщества США 1960-х годов. К числу основополагающих принципов CRT следует отнести идеи Ч. Харриса¹, рассматривавшего принадлежность к белой расе в ракурсе вопроса о собственности. Согласно его позиции, принадлежность к белой расе, изначально сформировавшаяся в американском обществе как расовая характеристика, постепенно развилась в форму собственности и ценного блага, что в последствии получило правовую защиту. М. Дайсон² развивает эту идею, формируя основу для более глубокого понимания принадлежности к белой расе как собственности путем актуализации положения, согласно которому принадлежность к белой расе является не только фактором идентификации, но одновременно идеологией и устойчивой формой социального поведения. Так же как и Харрис, Дайсон понимал, что правовые и социальные конструкции, основанные на принадлежности к белой расе и идеологии расовой иерархии, глубоко связаны с угнетением и притеснением чернокожего населения белыми. Фигин³ утверждал, что расовые притеснения на протяжении всей истории США явились основополага-

1 Harris C.I. Whiteness as property // Harvard Law Review. 1993. Pp. 1707—1791.

2 Chennault R.E. Giving Whiteness a Black eye: An interview with Michael Eric Dyson. In J.L. Kincheloe, S.R. Steinberg, N. M. Rodriguez, & R. E. Chennault (Eds.). White reign: Deploying Whiteness in America. St. Martin's Press. 1998. Pp. 299—328.

3 Feagin J.R. Systemic racism: A theory of oppression. Routledge, 2006.